

ДИАНА РАХМАНОВА

ПРОДАМ ЖЕНУ,

ТОРГ УМЕСТЕН

Аукцион любви

Диана Рахманова (Рыжая Ехидна)

Продам жену, торг уместен

«Автор»

2025

Рахманова (Рыжая Ехидна) Д.

Продам жену, торг уместен / Д. Рахманова (Рыжая Ехидна) —
«Автор», 2025 — (Аукцион любви)

Я подала на развод, не подозревая, что муж будет обязан найти мне нового покровителя. В стремлении отомстить и унижить он извратил древний закон, превратив благородное намерение в грязную продажу с молотка. Так я, леди Амалия де Монфор, стала главным лотом самого скандального аукциона. Но одного мой муж не учел: что среди покупателей окажется его злейший враг. И моя первая любовь.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Диана Рахманова (Рыжая Ехидна)

Продам жену, торг уместен

Глава 1

Муж предал меня.

Не враг, не незнакомец. А тот, кому мой дед доверил самое дорогое: нашу фамилию, единственную внучку и семейную гордость – фабрику зелий «Монфор Альба».

Я стояла на ее пороге, сжимая кулаки, пока сердце разрывалось от боли: фабрика умирала.

Пять лет его «управления» превратили в тень ее былое величие. Мастера-алхимики уступили место подмастерьям, редкие травы – дешевым заменителям, а репутация «Монфор Альба» стала посмешищем.

Но все это было лишь прелюдией.

Настоящий удар я получила утром, по возвращении в столицу, когда старый Люсьен, последний из учеников дедовой школы, протянул мне склянку с позолоченной этикеткой: «Эликсир вечной юности» фирмы «Золотой Феникс» – продукт наших злейших конкурентов.

Я узнала жидкость сразу: голубоватый оттенок, легкое внутреннее мерцание. Точная копия эликсира, формулу которого знали только трое. Я – как создатель. Люсьен – как главный производственник. И, конечно, мой муж – Ричард Вальмор.

Мои подозрения, которыми я терзала работников, оказались напрасными. Шпион был ближе, чем я думала: рецепты распродал не кто иной, как мой собственный муж! Он даже отдал права на «Лунные слезы» и «Пламя Феникса» – жемчужины нашей коллекции, те самые зелья, что поддерживали фабрику в самые тяжелые времена.

Конечно, зачем платить алхимикам, содержать цеха и закупать редкие ингредиенты, когда проще продать секреты конкурентам и получать грязные проценты!

Сомнения были давно, но я до последнего отказывалась верить. Все-таки нас с Ричардом связывал не романтизм, а расчет: союз родов, договор выгод.

Смешно!

Аристократы все еще верят, что браки по расчету самые крепкие. Мол, там, где нет любви, нет и предательства. Где нет чувств, там расчет прочнее клятв. Как же! На самом деле там, где любовь запрещена, измена принимает самые изощренные формы.

Я подняла взгляд на здание фабрики, и в памяти всплыли слова деда.

– *Запомни, девочка. Именно эти стены делают нас теми, кто мы есть. Не титулы, не придворные интриги – а эта фабрика, где каждый камень заложен потом и магией поколений Монфоров. В этих стенах живет наша сила, и, пока они стоят, будет стоять и наш род.*

– Он заплатит за это, – прошептала я, сжимая кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. – Каждую украденную тайну, каждую каплю твоего доверия – я верну все.

Я с силой распахнула дубовые двери и направилась к Ричарду – не семенящей походкой светской дамы, а широкими, яростными шагами, от которых подол моего платья взметнулся, обнажая лодыжки.

Ярость.

Она пылала в груди, как перегретый алхимический тигель, грозящий взорваться, но под ней тлела боль – предательство ужалило глубже, чем я ожидала.

Да как только он посмел?

Стук моих каблуков отдавался по плитам гулким эхом – словно набат, которым в старые времена предупреждали жителей о надвигающейся беде.

– Он на месте? – спросила я, и голос звенел, как сталь. Секретарь вздрогнул и выронил перо, оставив жирную кляксу на документе с гербом Монфоров.

– Вам... вам назначено? – заикаясь пробормотал он и судорожно поправил очки на носу.

Я подавила желание закатить глаза. Поджав губы, склонила голову в насмешливо-вежливым жесте:

– Амалия де Монфор, – отчеканила я.

Этого должно было хватить. Мой шаг вперед был не вызовом, а простым утверждением реальности – хозяева не спрашивают разрешения, чтобы войти в свой дом.

– Леди, вы не можете... – Юноша, которого тут не было еще два месяца назад, выскочил из-за стола и шагнул вперед, неловко пытаясь преградить путь.

– Вы знаете, с кем разговариваете?!

Этот воробышек еще не понял, что влетел напрямик в грозовую тучу. Я рывком стянула перчатку и вскинула руку так, чтобы перстень с фамильным гербом вспыхнул в солнечном луче, ослепив юношу.

В глазах секретаря мелькнуло запоздалое узнавание. Перед ним стояла не просто разгневанная жена, а последняя наследница рода Монфор, чье имя выгравировано на каждой склянке «Монфор Альба».

– Это моя фабрика, – сказала я, глядя ему в глаза.

Юноша слабо открыл рот, но уже не мог вымолвить ни слова.

– Дверь, молодой человек, – произнесла я, не обращая внимания на его замешательство. – Сейчас же.

Но как только я вошла в кабинет, все встало на свои места.

Теперь я понимала, почему бедняга секретарь так отчаянно пытался преградить мне дорогу. Скрывать начальника с любовницей от его разъяренной жены – задача со звездочкой даже для самого преданного помощника.

Муж, сидевший в кресле, беспечно обнимал какую-то хохочущую куклу в алом платье, чьи золотистые локоны сбились в небрежные кудри. Их головы были так близко, что еще немного – и я бы застала их за чем-то куда более непристойным, чем шепот на ухо или украденный поцелуй в обнаженное плечо.

Гнев вспыхнул, как искра в алхимической печи, но я заставила себя дышать ровно. Руки дрожали – не от страха, а от того, сколько ярости требовалось удержать внутри, не сорвавшись в позорный крик.

Даже в таких расчетливых союзах существуют неписанные правила!

Приводить любовницу в святая святых рода Монфор – в стены, поднятые трудом моих предков, – было уже не просто предательством.

Это был плевок.

В лицо мне.

В лицо деду.

В лицо всему, что хранило эту фамилию веками!

– Твое гостеприимство поражает, Ричард. Карманы так опустели, что принимаешь гостей в рабочем кабинете? – произнесла я, позволяя голосу звенеть холодом.

Сделала шаг вперед, открывая вид секретарю, застывшему за моей спиной, и позволила себе едва уловимую улыбку, наблюдая, как Ричард побледнел, а его пассия в спешке попыталась прикрыть плечи, заботливо выставленные под мужскую ласку.

– Молодой человек, – подчеркнула я вкрадчиво-вежливым тоном, – проводите гостью к выходу. И проследите, чтобы она больше не оскверняла стены Монфоров своим присутствием.

На лице девицы мелькнули обида, паника и глупая надежда на поддержку Ричарда. Но тот, поймав мой взгляд, тут же отвел глаза и тихо шепнул ей что-то на ухо. И без того натянутая

улыбка окончательно потускнела. Незнакомка поджала губы, с трудом удерживая слезы, и не оглядываясь поспешила к выходу.

Я чуть склонила голову, будто великодушно позволяя ей сохранить остатки достоинства:

– В коридоре есть зеркало, – произнесла я вкрадчиво и ядовито. – Советую воспользоваться им, прежде чем снова показываться в приличном обществе. Не хватало еще, чтобы «Монфор Альба» начали путать с домом сомнительных удовольствий.

Секретарь, побледневший и испуганный, быстро прикрыл за девицей дверь, оставляя меня с мужем наедине.

Я медленно подошла к его столу, сняла с плеча сумочку и беззвучно положила ее на полированную поверхность, рядом бросила перчатки. Потом, скользя шагами, будто по натянутой струне, направилась к окну.

Мне требовалась пауза.

Небольшая передышка, чтобы не сорваться и не расцарапать его самодовольную рожу прямо сейчас.

Слишком много предательства для одного дня.

Слишком много мерзости в стенах, где должна была царить честь.

– Ты вернулась раньше, чем планировала, – наконец подал голос Ричард, и в его тоне сквозила растерянность.

Я обернулась и, опершись на подоконник, заметила, как мужские пальцы сжимают подлокотник кресла – едва заметное движение, выдающее раздражение.

Мое появление явно спутало его планы.

Переговоры с горными лордами – этими упрямыми, как горные козлы, стариками – должны были затянуться минимум на месяц. Их педантичность вошла в поговорку: они могли неделями торговаться из-за процента роялти или формулировки в приложении к контракту.

Но на этот раз...

На этот раз они подмахнули бумаги с пугающей поспешностью, словно кто-то свыше спешил вернуть меня домой именно в этот день, в этот час, в эту самую минуту, когда мой муж...

Если бы я приехала в срок...

От «Монфор Альба» хоть что-то осталось бы?

– Если бы я задержалась еще хоть на день, ты бы, наверное, уже продал не только рецепты, но и стены, и фамильный герб, – бросила я холодно.

– Не драматизируй. – Ричард улыбнулся, поправляя ворот рубашки, где еще виднелись следы чужой помады. – Я лишь вернул фабрике прибыль. Разве не этого хотел твой дед?

– Прибыль? – Пальцы непроизвольно впились в складки платья. – Продажей родовых рецептов?!

Ричард небрежно повел плечом:

– Неэксклюзивные лицензии, Амалия. Они варят, мы получаем проценты. Никаких убытков.

Воздух словно загустел, каждый вдох обжигал легкие, как будто я вдыхала раскаленный пар из перегретого котла.

– Мы могли захватить весь рынок! – Я резко подошла к столу и, опершись о его край ладонями, склонилась вперед, нависая над Ричардом. – Могли устроить производство! Разорить конкурентов! А ты... – я со злостью сжала пальцы, – ты предпочел ползать перед ними, как последний лавочник!

Ричард резко нахмурился.

Упоминание о его прошлом, о торговой крови, которую он старательно прятал под маской аристократа, задело больше, чем любые обвинения.

Не проронив ни слова, он поднялся с кресла, обошел стол и направился к резной тумбе у стены. Плечи его были напряжены, шаги – нарочито медленны.

Я молча наблюдала, как он плеснул бренди в два бокала, не разбавляя ни водой, ни льдом. Сделал медленный глоток, будто пытаясь запить что-то горькое внутри.

Потом подошел ко мне и, держа второй бокал в вытянутой руке, усмехнулся:

– Тебе тоже стоит выпить. Нервы, как я вижу, никуда не годятся.

Я машинально взяла бокал, даже не глядя на него.

– Сколько? – Мой голос был холодным как лед. – Сколько рецептов дома Монфор теперь штампуют наши конкуренты?

– Все, что не под королевским указом, – пожал он плечами.

Тошнота подступила к горлу.

Не думая, я взмахнула рукой. Бренди плеснулось мужу в лицо густой янтарной дугой. Ричард вздрогнул, отшатнулся, заморгал от неожиданности.

Ему еще повезло, что я не швырнула сам бокал!

Я выдохнула, пытаясь взять себя в руки. Но в голове звенела одна мысль: он продал все.

Все, что поколениями создавали мои предки. И если бы не королевский запрет на особые формулы – те самые, за которые наш род удостоился приставки «де», став частью магической аристократии, – продал бы и их.

Я вдруг ясно осознала страшную истину: без этого указа нас бы стерли с рынка, как мелких торговцев зельями, а фамилия Монфор растворилась бы в прахе забвения – как имена тех, кто оказался слишком слаб, чтобы защитить свое наследие.

Пока Ричард, сыпля проклятиями, торопливо вытирал лицо салфетками, мой взгляд скользил по столу, цепляясь за разбросанные бумаги. Фамильная печать «Монфор Альба», стопки свежих контрактов, еще пахнущих чернилами, и везде размашистая, наглая подпись Ричарда под грифом «Уполномоченное лицо».

Пора было лишить его этих полномочий.

Раз и навсегда.

– Я подаю на развод, – сказала я, чеканя каждое слово. – Ты не достоин ни моего имени, ни моей семьи, ни той чести, которую тебе доверили. И уж тем более тебе не место среди магической аристократии.

Подхватив сумочку и резко развернувшись на каблуках, я уже собиралась хлопнуть дверью, оставив его в прошлом – там, где ему и место.

Но не успела сделать ни шага.

– Как торопливо... – Его голос, ленивый и язвительный, прозвучал за моей спиной, заставив замереть. – Но теперь слушать будешь ты.

Я обернулась. Ричард шагнул ближе, сокращая расстояние. В его глазах плясала самодовольная усмешка. Я почувствовала, как внутри все скручивается от плохого предчувствия, но лицо осталось безупречно спокойным.

– Я хотел разойтись мирно, – протянул он, смакуя каждое слово. – Но раз ты напомнила о моем месте, я напомню о твоём.

Он коснулся моего лица, лениво накрутив локон на палец. Я напряглась, но не отшатнулась.

– Твой дед так заботился о тебе, что добавил в контракт особый пункт, – продолжил он, понизив голос. – Закон о перепоручении супруги... слышала о таком?

Кровь отхлынула от лица. Сердце заколотилось.

Не может быть!

– Вижу, знакомо. – Его улыбка стала шире.

Ричард отступил и рухнул в кресло, развалившись.

– Если мы разведемся, я обязан найти тебе нового мужа, – протянул он. – Думаю, устрою аукцион. Посмотрим, сколько дадут за последнюю Монфор.

Земля ушла из-под ног.

Все, что казалось прочным и незыблемым: имя, честь, род, – теперь могло быть продано с молотка, выставлено на торги вместе с моим будущим.

Ричард Вальмор – подлец, каких свет не видывал. Истинное отродье торгашей!

Глава 2

– Леди Амалия, – негромкий голос раздался рядом.

Я обернулась. Молодой распорядитель в скюртуке цвета старого золота склонил голову. В его взгляде – редком для этих стен, полных алчности и холода, – скользнула искра сочувствия.

– До начала аукциона осталось полчаса, – напомнил он.

Я кивнула, принимая приговор.

Великая Торговая Палата – сердце Лазории. Здесь уходили с молотка редчайшие драгоценности, фамильные особняки, манускрипты эпохи Древних Королей и чартеры, стоившие больше, чем целые графства.

Здесь продавали мечты. Истории. Целые династии.

И сегодня здесь продавали меня.

Зал «Гранд-Этериум» ломился от зрителей. Казалось, собрались все: от жеманных дамочек из высшего света, чьи бриллианты соперничали с блеском люстр, до толстосумов-дельцов с алчностью во взгляде, мечтавших урвать хоть что-то, связанное с именем Монфор.

Даже если это «что-то» – последняя представительница некогда великого рода.

Я стояла за бархатным занавесом, сжимая брачный контракт. Позолоченные буквы поблекли, но печать деда жгла пальцы.

Он думал, что защищает меня.

Закон о перепоручении супруги – пережиток эпохи, когда честь ценилась дороже золота. Если род женщины угасал, если не оставалось мужчин, способных о ней позаботиться, муж должен был найти нового покровителя – достойного сохраняющего ее статус и имя.

Но Ричард, скользкий, как ртуть в тигле, воспользовавшись размытыми формулировками исказил закон до неузнаваемости. То, что должно было стать моей защитой, он превратил в публичное шоу, в грязный и позорный фарс.

«Перепоручение» стало «продажей».

«Покровительство» превратилось во «владение».

А я, леди де Монфор, стала главным лотом аукциона.

Мой бедный дед, наверное, сейчас в гробу переворачивается от того, что его последнюю волю превратили в скандал, от которого бурлила вся столица, словно кипящий котел.

Газетчики были ко мне беспощадны.

Они чуяли кровь, как стервятники над полем битвы, и знали, что я беззащитна. Без влиятельных покровителей, без сильной семьи за спиной я стала для них идеальной добычей: можно рвать, терзать и топтать – без страха, без последствий, без оглядки.

«Последняя Монфор – на торги! Редкий экземпляр благородной крови ищет нового владельца!»

«Аукцион века: кто станет новым хозяином Амалии де Монфор?»

«Закон или месть? Скандальный развод потрясает высший свет!»

На витринах булочных, в лавках алхимиков, в приемных банках – повсюду мое изображение: уверенный профиль молодой женщины, верившей в честь и справедливость, под жирными, хищными заголовками, словно афиша ярмарочного балагана.

Вся Лазория гудела, как растревоженный улей. Аристократы, упиваясь чужим позором, наперебой спорили, смакуя детали моей трагедии: одни кричали о варварстве, прикрывая лицемерным возмущением жажду зрелища, другие сторали от любопытства, пытаясь разгадать тайну моего падения, третьи... третьи уже подсчитывали, сколько я могу стоять, словно оценивали породистую кобылу на ярмарке.

– Прости меня, бабушка... – Шепот растворился в нарастающем гуле зала, будто его и не было. – Я сделала все, что могла.

Две недели я жила в тени закона.

Тени, которая росла с каждым днем, пока не поглотила даже иллюзию надежды.

Я утопала в архивах, стучалась в кабинеты юристов, срывала голос в спорах, но в ответ слышала лишь вежливое молчание.

Последней надеждой стал Совет Старейшин. Двенадцать седобородых хранителей закона неторопливо перетасовывали пожелтевшие свитки, шевелили перьями над древними печатями, и, наконец, самый старший, не поднимая глаз, произнес:

– Контракт скреплен кровью. Закон не на вашей стороне, дитя.

Эти слова, как яд белладонны, оборвали последнюю надежду.

Мой мир рухнул – бесшумно, безжалостно.

И вот я стояла здесь – за тяжелой бархатной ширмой, глядя сквозь узкую щель на зал, полный зевак. Свет люстр слепил, шепот толпы душил.

Но я цеплялась за иллюзию спасения. Вдруг покупатель окажется сговорчивым? Вдруг я смогу выкупить свободу, смыть грязь с имени Монфор?

Назло толпе, жадной до чужого унижения, этим кровожадным гиенам. Газетчикам, которые смешали мое имя с грязью, шлепая один гадкий заголовок за другим. Ричарду, что расхаживал по залу торгов, словно король бала, обменивался короткими разговорами с потенциальными покупателями.

– Леди, – негромко спросил уже знакомый распорядитель, появившись у ширмы, его лицо было непроницаемым, как маска, – вы готовы?

Я сжала кулаки, чувствуя, как кольцо с гербом Монфоров болезненно врезается в кожу, напоминая о долге и чести, и мысленно поклялась себе, глядя в бездну страха: что бы ни случилось – я выдержу.

Вопреки всему.

– Готова, – твердо ответила я.

На мгновение мужчина замялся, словно подыскивая нужные слова, а затем тихо добавил:

– Хочу сказать... Ситуация беспрецедентная. – Его голос едва дрогнул, и он отвел взгляд, будто сдерживая бурю внутри. – Мы не посмели отказаться от проведения этого аукциона лишь потому, что здесь, в стенах Великой Палаты, вам гарантировано соблюдение закона.

Он поднял на меня взгляд – твердый, с горькой решимостью:

– Мы проверили каждого потенциального участника торгов. До мелочей. Отсеяли всех, у кого нашелся хоть намек на непорядочность, неподобающие наклонности или сомнительные связи. – Он выдохнул тяжело, как человек, принявший на себя больше, чем должен был. – Будьте уверены, все, что в наших силах, будет сделано.

Я едва заметно кивнула, спрятав руки в складках платья.

– Полагаюсь на вас, – прошептала я и впервые за долгие две недели почувствовала не одиночество, не обреченность... а поддержку. Маленькую, как искра во тьме, но такую необходимую.

Распорядитель жестом повел меня к залу. Гонг ударил – медный, гулкий, как молот на плахе.

– Прошу всех участников занять свои места. – Голос аукциониста звучал громко и четко. – Мы начинаем.

Второй гонг. Я шагнула из тени занавесей в ослепительный свет «Гранд-Этериума», ощущая себя последним экспонатом вымершей династии.

Сотни взглядов впились в меня. Холодные глаза аристократов, жадные взоры дельцов, любопытные вздохи дам, наслаждающихся моим позором.

Но я была непоколебима.

Мое платье сапфирового оттенка ниспадало до пола, а серебряная нить фамильного герба на груди оставалась единственным оплотом гордости. Волосы были собраны в безупречную прическу, и ничто не выдавало внутреннего волнения.

Я была воплощением ледяного достоинства – последняя Монфор, гордо стоящая на краю пропасти.

– Сегодня, в рамках закона о перепоручении супруги, у вас есть возможность заключить брачный союз с леди Амалией де Монфор, – произнес аукционист, склонив голову с уважением. – Она последняя представительница рода, получившего статус магической аристократии за заслуги перед короной. Обладает даром магии третьего круга и дипломом с отличием факультета Высших Алхимических Искусств Столичной Магической Академии. В собственности леди – фамильное поместье в Золотой Долине и фабрика зелий «Монфор Альба». Внимание! – Он выдержал паузу, обведя зал взглядом. – Все имущественные активы остаются в ее собственности и в случае развода не подлежат разделу.

Я стояла, как статуя, слушая, как аукционист превращает мою жизнь в список характеристик для продажи.

– Требования к новому супругу: статус не ниже аристократического, отсутствие судимостей, финансовая состоятельность, безупречная репутация в обществе.

Я сжала губы, скрывая гримасу.

Никаких ограничений по возрасту... Ричард пал так низко, что продал бы меня и дряхлomu лорду, лишь бы насладиться моим унижением.

– По завершении аукциона, – продолжил аукционист, – под контролем магического совета будет заключен новый брачный контракт.

Третий гонг. Старт аукциона.

– Начальная ставка – сто тысяч золотых.

Зал ахнул.

Я скользила взглядом по участникам торгов, чувствуя, что атмосфера изменилась. Селвин де Роше, чья фабрика долгие годы пыталась переманить мастеров из «Монфор Альба», нахмурился. Рауль Верван, солидный вдовец, с разочарованием опустил табличку. Молодые аристократы переглянулись и синхронно откинулись в креслах – для них я была слишком дорогим удовольствием.

В груди разлилось горькое облегчение.

Ричард мог бы из чистой издевки установить стартовую цену в жалкие десять золотых, но не сделал этого. Не из чести, не из уважения к Монфорам – этот прагматичный гад знал, что низкая ставка превратит торги в балаган, недостойный его триумфа.

– Первая ставка сделана! – провозгласил аукционист. – Молодой джентльмен с табличкой номер пять.

Я чуть не задохнулась от злости, найдя взглядом претендента на роль моего супруга.

Шестнадцатилетний юноша, которому вчера еще не позволяли подписывать контракты без опекуна, теперь с жадностью ловил указания от своего отца – известного банкира.

Но его ставку перебил мужчина постарше, чья приличная внешность казалась лучом света в этом зверинце.

Следующая ставка. И еще одна.

Торги разгорелись, как огонь в сухой траве.

– Кто предложит двести тысяч золотых?! – раздался голос аукциониста, и зал замер, когда мужчина с суровым лицом и вытянутым подбородком поднял свою табличку.

Его фигура казалась массивной, как скала, а шрам, располозовавший лицо, добавлял жестокости. Костюм, хоть и дорогой на вид, был явно не по фигуре – ткань еле сходилась, как будто ее нарочито натянули. В его облике было что-то чуждое, дикое, он напоминал зверя, оказавшегося среди людей.

Я почувствовала, как ледяной пот скатывается по спине.

Кто он? Как он вообще оказался здесь?

Меня заверили, что сомнительных претендентов отсеяли! Но как никто не разглядел в нем опасность? Этот мужчина был похож на охранника мафиози, словно вышел прямо из грязных подворотен, только что оторвавшись от своих темных дел.

Аукционист, заметив, как внимание обратилось к этому мужчине, сдержал восторг за деловой улыбкой.

– Кажется, у нас новый претендент. Господин с табличкой номер тринадцать ставит две-сти тысяч золотых. Кто готов предложить больше?

Мой взгляд невольно метнулся к герцогу де Ланже – другу бабушки, моей последней надежде, но его дрожащая рука опустила табличку. В его глазах было только одно: «Прости, дитя».

– Двести пятьдесят тысяч! – раздался звонкий голос юнца с табличкой номер пять.

Я вздохнула с облегчением. Лучше уж этот ребенок, которого можно будет держать под контролем, чем мужчина, от которого буквально веет опасностью. Но радость длилась лишь мгновение. Как только я успела перевести дух, голос с жесткой темброванной силой прокатился по залу.

– Пятьсот тысяч, – громогласно заявил бугай.

Зал всколыхнулся шепотом.

Аукционист замер на мгновение, затем его лицо расплылось в восхищенной улыбке.

– Полмиллиона золотых за леди де Монфор! Такой жемчужины благородных кровей достойна лишь королевская цена! Ее происхождение, дар и слава Монфоров – сокровище для истинного ценителя!

Кто готов предложить больше?

Тишина, как тяжелая пелена, накрыла зал. Никто не шевельнулся.

Банкир, встревоженно взглянув на сына, придержал его руку с табличкой – ставки выросли слишком быстро.

Они сдались.

– Полмиллиона – раз! – воскликнул аукционист, словно веря, что найдется тот, кто поднимет и без того космическую сумму.

Зал молчал.

– Полмиллиона – два! – Его тон стал резче, почти умоляющим. – Три! – И молоток рухнул, как гильотина.

Аукционист, глядя поверх очков, четко объявил:

– Победитель аукциона – господин под номером тринадцать.

Воздух застыл в легких. Кровь отхлынула от лица, оставив после себя ледяное оцепенение.

Боже правый.

Мои последние слабые надежды на то, что с будущим «покровителем» можно будет договориться, рухнули в одно мгновение.

Этот человек...

Нет, это не человек – это громила с лицом, изрезанным шрамами, с руками, которые могли бы разорвать меня на части. Холодные, свинцовые глаза, в которых не было ни малейшего следа человечности. Он меня даже слушать не станет. А если и станет... где мне взять полмиллиона золотых?! При условии, что он не запросит проценты...

Горечь заполнила рот, будто я проглотила ядовитую косточку.

– Вторая часть торгов начнется через полчаса, – продолжил аукционист как ни в чем не бывало. – Будут представлены...

Дальше я не слушала. Моим вниманием завладел муж, теперь уже бывший.

Ричард стоял в углу зала, как победитель. Гордо расправленные плечи, в глазах – огонь победы. Он был горд собой, наслаждался происходящим.

– Прошу вас пройти со мной, – тихо произнес распорядитель, возникнув рядом. – Зал для подписания контрактов находится в боковой галерее.

Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

Шаг за шагом, скрывая все, что бушевало внутри, я сошла с подиума. Шепот толпы, как ядовитый дым, окутывал меня: «Бедняжка Амалия», «Кто этот здоровяк?», «Это ужасно...».

Кажется, впервые за весь этот кошмар лицемеры проявили сочувствие.

Распорядитель шел чуть впереди, но не забывая оборачиваться, словно боялся, что я исчезну, сбегу или, что еще хуже, упаду в обморок.

Нет, я держалась.

Мы свернули в боковой коридор, откуда не было слышно гомона зала.

– Вас ждут, – загадочно произнес мужчина, тянув бронзовую ручку массивной дубовой двери.

Переступая порог, я мысленно поклялась: «Ты заплатишь за это, Ричард Вальмор. Не знаю как, не знаю когда, но я сотру тебя в порошок».

Глава 3

Дубовая дверь захлопнулась, отрезая последнюю связь с прежней жизнью.

Комната была небольшой, но роскошной: темный бархат на стенах, хрустальные светильники, отбрасывающие холодный свет, и тонкий аромат сандала, пропитавший воздух.

Тот самый мужчина – громадный, со шрамами – стоял у стола, скрестив руки. Его костюм грозился треснуть по швам при каждом вдохе, будто не выдерживая мощи тела. Холодными глазами он изучал меня с безразличием охотника, рассматривающего пойманного зверя.

Мой покупатель.

Сердце сжалось так сильно, что на мгновение перехватило дыхание. Но в этот момент мужчина сделал шаг в сторону – и мир перевернулся.

За столом, скрытый до этого массивной фигурой, сидел он...

– Кассиан. – Это имя вспыхнуло в моей памяти, прежде чем мозг успел понять, кто передо мной.

А потом он поднял глаза.

Зеленые. Как лесные озера в солнечный день. Как самый дорогой малахит. Как яд, что когда-то едва не убил меня.

– Леди Амалия, – произнес он, и его голос, низкий, с легкой хрипотцой, пробежал по моей коже мурашками. – Давно не виделись.

Мир качнулся. Я схватилась за спинку стула, чтобы не упасть. В груди вспыхнул пожар – смесь шока, гнева и чего-то, что я так давно запретила себе чувствовать.

Любовь. Та юношеская, искренняя любовь, когда кажется, что с первого взгляда можно полюбить на всю жизнь. Любовь, которая согревает, дарит крылья и делает невозможное возможным.

Когда ты веришь, что этот человек – твой.

Навсегда.

Та любовь, что едва не сожгла меня дотла, когда я узнала правду. Когда поняла, что для любимого человека я была лишь ступенькой на пути к магической аристократии, билетом в высший свет, который он так стремился покорить.

Мы не виделись с Кассианом с того момента, как я разорвала наши отношения, растерзав свое сердце в клочья. И убедив себя, что в высшем свете нет места любви. И вот он здесь – повзрослевший, еще прекраснее, чем в воспоминаниях, но с той же опасной искрой в глазах.

Я тонула в его взгляде, вспоминая его смех – низкий, бархатистый, когда он шептал мне на ухо глупости, его прикосновения, когда он рассеянно расплетал мои волосы, и его ложь – такую сладкую и смертельную, как вино с примесью белладонны.

От шока перехватило горло, будто я вдохнула ядовитый пар.

Из всех возможных дней, из всех возможных мест – почему именно сегодня? Именно здесь, когда я унижена перед всем светом, выставлена на позорный торг?

Неужели он тоже пришел посмотреть, как падает последняя Монфор?

– Леди Амалия. – Голос распорядителя наконец вырвал меня из транса. Он был настойчив, но с оттенком уважения. – Прошу, присаживайтесь.

Ноги дрожали, но я села, выпрямив спину.

Кассиан смотрел на меня не отрываясь, уголок его губ дрогнул в едва заметной улыбке – знакомой, как шрам, что не заживает. Он откинулся на спинку стула, манжеты его белоснежной рубашки сверкнули жемчужными запонками, каждый жест был пропитан уверенностью, будто он держал мою судьбу в своих руках.

В дверь с тихим скрипом вошел Ричард.

Торжество, которое еще несколько минут назад сияло на его лице, исчезло, как только он увидел Кассиана. Мужчина замер, самодовольство уступило место ярости, а глаза стали похожи на раскаленные угли.

– Рейн? – прорычал почти-бывший-муж, быстрым шагом подойдя к столу. – Что ты здесь делаешь?

Кассиан склонил голову, словно приветствуя старого друга, но его глаза насмехались. Он не встал, лишь провел пальцем по краю стола, будто играя с невидимым клинком.

– Побеждаю, Вальмор. Как всегда.

Ричард побагровел, его шея напряглась, воротник рубашки врезался в кожу.

– Что ты несешь? Победитель – этот... – он указал на мужчину со шрамом, стоявшего у стены, – этот громила!

Распорядитель, поправив сюртук, кашлянул, привлекая внимание всех присутствующих.

– Лорд Вальмор, леди Монфор, позвольте разъяснить, – сказал он, сдерживая напряжение в голосе. – Лорд Кассиан Рейн не успел прибыть к началу торгов, поэтому его интересы представлял господин Тейр. – Он кивнул в сторону мужчины с шрамом, чье лицо оставалось непроницаемым, как гранит. Пальцы, сжимающие ремень, выдали лишь легкое напряжение. – Все законно, заверено магическим советом.

Что? Я, должно быть, ослышалась!

– Законно? – Ричард издевательски усмехнулся, а его голос приобрел ледяную резкость. – Вы проверили его доходы? Рейн – маг щитов, без имени, без рода! Откуда у него полмиллиона золотых? Это наверняка грязные деньги!

Распорядитель резко изменил выражение лица. От бывшего благодушия не осталось и следа. Он подался вперед, а его взгляд стал жестким, почти угрожающим.

– Лорд Вальмор, вы оскорбляете Великую Торговую Палату. Нам доверяют королевские особы, а вы смаете сомневаться в нашей работе? – Его голос звучал холодно и строго. В воздухе повисло недосказанное: «*Да кем ты себя возмнил?*» – За заслуги перед короной лорд Рейн получил наивысший статус магической аристократии. Это еще не афишировали, но документы подтверждены. Источник его состояния также не подлежит сомнению.

Я ахнула, прикрыв рот кончиками пальцев. Так он теперь Кассиан Эр Рейн? Высший титул – у него?

Мой взгляд метнулся к мужчине. Он сидел спокойно, и в его глазах мелькнула искра – гордость или насмешка? Как будто он говорил: «*Смотри, я и без тебя всего этого добился!*»

Но зачем ему униженная и опозоренная аристократка, если он уже на вершине, которая моему роду и не снилась? Он может выбрать любую женщину... Да самые влиятельные семьи будут счастливы заполучить его в качестве зятя!

Почему я?

Он хочет отомстить за то, что я когда-то бросила его?

Горько усмехнулась от мысли, что слишком много мужчин жаждут меня сломать – сперва Ричард, теперь Кассиан.

Их ненависть, как кислота, разъедала мою жизнь.

– Я против этой сделки! – Ричард задохнулся от ярости. Его лицо побледнело, глаза сузились, а кулаки сжались так, что я почти слышала треск костей. – Если бы я знал, что Рейн участвует, я бы вписал его в стоп-лист! Он не может быть покупателем!

Распорядитель покачал головой, сдерживая раздражение.

– Об этом следовало думать до аукциона, лорд Вальмор. Срыв сделки карается компенсацией в тройном размере от финальной ставки: полмиллиона Палате, полмиллиона покупателю, полмиллиона леди Амалии. Итого – полтора миллиона золотых. – Он выдержал паузу, глядя Ричарду в глаза. – Вы согласны?

Ричард замер, его лицо побелело, как пепел, пот выступил на лбу. Полтора миллиона – сумма недостижимая для него даже в самых смелых фантазиях. Он открыл рот, но слова застряли, как кость в горле. Я видела, как в нем кипит ненависть – к Кассиану, его старому другу, ставшему врагом, и ко мне, его бывшей жене, чья судьба теперь ускользала в руки вечного соперника. Для него это было хуже потери денег, хуже позора. Это было личное, как удар кинжалом в сердце.

Он пытался еще что-то возразить, но распорядитель поднял руку.

– Достаточно. Лорд Вальмор, подпишите документы, или Палата начнет взыскание.

Кассиан усмехнулся, наблюдая за Ричардом, который, наконец, сломался под натиском. Его рука дрожала, будто он подписывал смертный приговор, а не бумаги на развод и перепоручение супруги. Перо скрипело, когда он выводил имя «Кассиан Эр Рейн». Получив выписку на полмиллиона золотых, он сжал ее, словно та ничего не стоила, и вылетел из кабинета, хлопнув дверью так, что светильники задрожали.

За Ричардом вышли распорядитель и Вейр. Мы остались втроем: я, Кассиан и представитель магического совета – худощавый мужчина в темно-синей мантии с золотыми рунами, чьи пальцы нервно теребили гусиное перо, а очки в тонкой оправе сползли на кончик носа.

Тишина легла на комнату. Кассиан сидел напротив, его взгляд не отпускал меня.

– Давайте обсудим условия брачного соглашения, – перешел к главному представитель магического совета. – Лорд Кассиан Эр Рейн, слово вам.

– Пропишите совместное проживание в моем поместье. – Его голос звучал низко и уверенно, будто прокладывая между нами невидимые цепи. – Деление супружеской спальни также входит в обязательства. Развод возможен через десять лет. Если леди Амалия захочет стать свободной раньше, есть два пути: родить мне наследника или выкупить себя за миллион золотых – двойную стоимость аукциона.

Я закашлялась, будто вдохнула ядовитый пар, горло сжалось.

Десять лет? Миллион золотых? Наследник? Это не условия – это ловушка, безвыходная, как тигель без огня! Через десять лет я буду неликвидом на брачном рынке – слишком старая для аристократии, а значит, никакого продолжения рода! Если рожу ребенка, он свяжет меня с Кассианом навсегда, как магические цепи – про развод можно забыть. А миллион золотых? Фабрика «Монфор Альба» едва держится, ее доходы – капля против такой суммы. Разве что продать семейное наследие с молотка!

Представитель совета кашлянул, перебирая пергаменты.

– Леди Амалия, ваши условия?

Я впиалась ногтями в ладони, пока боль не вернула ясность мысли. Выпрямилась, заставляя голос звучать твердо, несмотря на жар, что пылал в груди.

– Я требую свободы для работы на фабрике «Монфор Альба». Я не стану домохозяйкой, запертой в поместье лорда Эр Рейна. – Я выдержала паузу, сглотнув ком в горле. – И второй ребенок – если таковой будет – наследует имя и титул Монфоров.

Это был расчет на будущее, на непредсказуемую жизнь, что уже доказала свою жестокость. Я обязана защитить наследие своего рода, даже если сейчас мысль о детях с Кассианом казалась безумной.

Его бровь дрогнула, легкая усмешка скользнула по губам, но он кивнул, будто подталкивая меня к продолжению.

Что еще, Амалия? Думай! Другого шанса не будет!

Представитель совета, заметив мою паузу, мягко подсказал:

– Возможно, вы хотите оговорить содержание? Это принято в высшем обществе.

Я покачала головой, гнев смешался с гордостью, щеки вспыхнули.

– Нет. Фабрика обеспечит меня. – Миллион золотых висел надо мной, как гильотина, и я не добавлю к этому ни одного золотого! – Мне не нужны деньги, но я требую уважения. Публично вы, лорд Кассиан, будете относиться ко мне как к леди Монфор.

– Леди Эр Рейн.

– ...с заботой и достоинством, не позволяя оскорблений ни словом, ни взглядом, ни поступком. – Я проигнорировала его замечание. – И я вправе аннулировать брак без условий, если ваша измена станет достоянием общественности.

Я прищурилась, сверля будущего супруга взглядом. Кассиан не отвел глаз, его улыбка стала шире, хищной, как у зверя, знающего, что добыча в ловушке.

– О, я не позволю вам соскочить с крючка так просто, – едко заявил он. – Слишком много заплатил.

Я стиснула зубы, жар и холод боролись в груди, но не склонила головы. Мы бодались, как алхимики над тиглем, где один неверный ингредиент мог все уничтожить. Представитель совета заерзал, его перо скрипело по пергаменту. Наконец, мужчина кашлянул, поправляя очки, и протянул два экземпляра контракта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.